

Фридрих Антонов

*Сказка про царя
Сухмана, про жену
его Милану, про
Змеёвича (про Змея)
и соседа их Кощея*

Былины и сказки в стихах

Фридрих Антонов

**Сказка про царя Сухмана, про
жену его Милану, про Змеёвича
(про Змея) и соседа их Кощея.
Былины и сказки в стихах**

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Сказка про царя Сухмана, про жену его Милану, про Змеёвича (про Змея) и соседа их Кощея. Былины и сказки в стихах / Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850329-0

В этой книге предлагается несколько Русских народных былин в стихах, и одна сказка о былинном богатыре Сухмане, и его необычайных приключениях.

ISBN 978-5-44-850329-0

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Вольга и Микула	8
Святогор и Микула	12
Добрыня и Змей	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Сказка про царя Сухмана, про
жену его Милану, про Змеёвича
(про Змея) и соседа их Кощея
Былины и сказки в стихах**

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2017

ISBN 978-5-4485-0329-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге собрано несколько былин написанных в стихотворной форме. Былина – это яркий образец фольклорного творчества, свойственный славянскому этносу. Само название былины говорит о том, что это то, что некогда было «былю». В настоящее время, былины можно рассматривать, как одну из форм законсервированной информации о прошлом. Это своеобразный репортаж из глубины веков к нашей современности. Разумеется, что всё это облечено в своеобразную поэтическую форму, с определённой дозой поэтического вымысла и определённых временных наслоений, но тем не менее, это не что иное, как посыл из глубокой древности в наши дни.

Именно это и побудило меня использовать некоторые былины, как подстрочники для создания современных поэтических произведений о древности. Разумеется, взяты были не все былины. В эту подборку попали только те былины, которые чем-то поразили меня ещё в детстве. Или наоборот, по какой-то причине они были пропущены в своё время, а теперь оказались чем-то вроде откровения, а может и недоумения, как например, былина – «Вавило и скоморохи».

Первая былина – это Вольга и Микула. Она была первой былиной в системе ещё советского школьного образования. Поэтому, наверное, она и запомнилась больше других. В ней меня поразила архаичность повествования и твёрдая уверенность в незыблемости и основательности всего того, что связано с землёй. Когда даже рафинированные в своей военной культуре богатыри, оказываются беспомощными в сравнении с обычным крестьянином. Такова и вторая былина Святогор и Микула, но она меня поразила ещё большей древностью, несмотря на повествование о том, что Святогор Илью Муромца в кармане носил. Скорее всего – это последнее замечание, есть одно из последующих наслоений на древний сюжет потому, что в действительности между этими героями лежит большой временной интервал, возможно и не одно тысячелетие.

Следующая былина – «Добрыня и Змей». Это одна из наиболее ярких страниц былинного эпоса. Это былина, в которой богатырь показан наиболее близко к обыденному, человеческому образу. Вот, например, Вольга и Святогор – это скорее богатыри-схемы, чем люди, а Добрыня – нет. Здесь он – более живой, более человекоподобен (если можно так выразиться). Этим данная былина выгодно отличается от других былин и тем же самым она и интересна.

Былина о «Садко» интересна тем, что она наверное одна из наиболее близких к нашему времени повестей, в которой чётко прослеживаются следы существования новгородской республики. Несмотря на сказочный сюжет в ней нет следов глубокой древности.

И в этом она больше похожа на жизнеописание реального человека, фантазией сочинителя ввергнутого в сказочные пертурбации.

Былина о Дюке Степановиче, одна из наиболее интересных былин. Она одна из немногих, что более всего и подходит под определение – былина. В ней нет практически сказочных явлений и действий. Исключение составляют разве что ловкое проскакивание Дюка через вражеские заставы на пути из Галича в Киев, да история со сбором меченных стрел с ярлычками, которые собирал орёл для Ильи Муромца. Во всём остальном – здесь описание вполне реальных событий. И вот тут интерес вызывают две темы. Одна из которых – это явное соперничество галицких и киевских земель, что само по себе не является новостью. А вот другая новость является действительно новостью, на которую учёным следовало бы обратить внимание. Во время беседы Дюка Степановича с каликами переходящими, последние заявили, что идут в Галич и уточнили, что идут они – в Индию богатую. Тут следует сказать, что именно из этих мест (пространство между Чёрным и Балтийским морями), по утверждению практически всех серьёзных учёных (кто занимался Синдикой), в III тысячелетии до нашей эры вышли индий-

ские племена и направились страну Джамбу Двипа (современную Индию). То есть «инды» вышли отсюда и понесли с собой название «Индия». Которого в стране Джамбу Двипа не было. Вот и получается, что в былине о Дюке Степановиче запечатлена древняя память примерно 5000 летней давности. Сама былина конечно имеет не более чем 1000 летний возраст, но вот память, зафиксированная в ней, гораздо древнее.

Былина «Вавило и скоморохи» заинтересовала скорее всего, своей необычностью. Во-первых, она не имеет ничего общего с богатырским эпосом. Богатырей, как таковых, здесь вообще нет. По своей структуре и содержанию, это вообще, что-то среднее между скоморошьями, религиозно назидательными притчами, и морально-этическими сентенциями, с оттенками воинствующей религиозности. А ещё в ней есть какая-то невероятная смесь не просто древности, а вообще архаики (например, стада быков, выпивающие воды потопа вызванного колдовством), со сравнительно недавними временами (олицетворением которых являются христианские святые – Козьма и Демьян). В общем, это какая-то довольно странная и довольно необычная былина.

И наконец последняя полусказка, полубылина «Про царя Сухмана, про жену его Милану, про Змеёвича (про Змея) и соседа их Кощея». Сказка хорошая, весёлая, написанная вашим покорным слугой. Предисловие к ней приведено непосредственно перед самой сказкой.

Ф. Антонов

Вольга и Микула

Святослав-богатырь долго жил на земле—
Девяносто с лихвой, но преставился.
Жизнь свою он провёл в богатырском седле,
Срок пришел и он к богу отправился.

Сын его малолетний остался один,
В колыбели беспечно забавился.
Мамки-няньки растили младенца-Вольгу,
Чтобы вырос и громко прославился.

Стал Вольга подрастать, в игры ловко играть,
Рос весёлым, не ведая хмурости,
Молодецкую стать стал уже набирать,
Захотелось ему много мудрости —
Рыбой-щукой ходить, серым волком бродить,
Рыскать всюду, не ведая трудности.

А потом стал Вольга и дружину собирать —
Тридцать молодцев, но без единого.
Двадцать девять бойцов, удалых храбрецов,
Сам Вольга был, для счёту былинного,
Три-десятым бойцом да таким молодцом —
Боевого борения славного,
Что ему в этом не было равного!

Так и стал он, средь равных, таким удальцом,
Что его все признали за главного!

Был еще у Вольги дядя – киевский князь.
Подарил ему как-то три города —
Первый Гуровец был,
Был Орехов второй.
В третьем тоже, от пят и до ворота,
Все крестьянами были. Пахали поля.
Так и звался тот город – Крестьяновцем,
И дарила им хлеб золотая земля.
В общем, все они были – крестьяновцы.

Вот поехал Вольга дань свою собирать,
Со своей богатырской дружиною.
В поле выехал, видит в том поле мужик
Пашет землю сохою старинною.

Понукает кобылку, кобылка идет,
Борозду методично проводит,

Пашет будто бы песню какую поет,
Землю к севу в порядок приводит.

Захотелось Вольге оратая догнать,
Он коня в след ратаю пускает,
Два дня гонится! Тщетно! Не может догнать,
Наконец-то его догоняет:

«Бог те в помощь, ратаюшко! Поле вспахать!
И крестьянствовать дальше на поле».
«Ну, спасибо, Вольга! А куда ж ты идёшь?
Со своею дружиною вольной?»

Отвечает Вольга: «За получкой иду!
За урочной положенной платой
К городам Гурчевцу и Ореховцу,
После пойду и к Крестьяновцу...»

«Я на кудлатой,
На соловой кобылке вот этой своей,
Был намерен в том Гурче. Скупался!
Много соли привёз – два по сорок пудов.
Ну, скажу тебе, страху набрался!

Ведь живут там разбойники! Деньги берут.
За проезд – подорожные просят!
Я им всем заплатил, крепкой палкой своей,
До сих пор там отметины носят!

Тот, кто стоя стоял, – после сидя сидел,
Потому, что стоять нету мочи.
А кто сидя сидел, – нынче лежа лежит.
Больше брать подорожных не хочет!

«Слушай, пахарь умелый! Поедем со мной!
Ты поможешь с моею заботой!
Ты, я вижу, – напарник надёжный такой.
И не будет отказа в работе.

И с оплатой не будет! Что скажешь ты мне?
Что тебе эти – труд и забота...?
Тот бросает соху в борозде, средь полей.
И – к Вольге, на шальную работу!

Но отъехав от места с версту, с небольшим,
Незначай, как-то так, вспоминает,
Что оставил соху средь степи, в борозде
И к Вольге свою речь обращает:

«Ты послал бы Вольга трёх своих удальцов,
Пусть они наконецники снимут.
Омешки-наконечники – ценность у нас!
А соху осторожно поднимут,
От земли отряхнут (не сочтя за труды!)
Да в ракитовый куст и закинут».

Посылает Вольга трёх могучих ребят.
Но они и подвинуть не могут.
Он десяток туда. Но одна суета.
Эти тоже ничем не помогут!

Вся дружина собралась и к сошке идет —
Крутят, вертят, но сошка – ни с места!
Пахарь сошку одною рукою берет,
От земли кое-как отряхает,
А другую омешки из сошки берёт,
В общем просто из гнёзд вынимает.

А потом, размахнувшись, в пол-силы, с плеча,
Как игрушкой, будто играя,
Без натуги, свободно (и не сгоряча) —
В куст ракитовый молча бросает.

«Дармоеды, однако, они у тебя», —
Земледелец Вольге замечает.

Снова сели они на рысистых коней,
Дальше, только лишь в сказке бывает —
У крестьянина рысью кобылка идет,
Остальные же, не поспевают.

Стал Вольга колпаком, то есть шлемом хлестать,
Стал покрикивать – не догоняют,
Ты постой-ка, постой!
Он кричит мужику:

«Придержи! Наши не поспевают!
Если б эта кобылка была бы конём,
За неё бы пять сотенок дали».

«Я её сосунком, за пять сотенок брал.
За пять сотен её и отдали!
А теперь, коль была бы кобылка конём,
Ей цены бы наверно не сложили!

И пытается Вольга, восхищенно дивясь,
«Как зовут тебя, мирный селянин?»

Отвечает ему этот пахарь-мужик:
«Да я весь, по натуре, – крестьянин!
Я вот ржи напашу да в скирды намечу,
С поля выволочу, дома вымолочу!

Потом пива наварю – мужиков всех угощу.
Загуляют мужики – запоют на ужинки!¹
Тут и станут плясать, и меня величать,
Разговаривать и приговаривать,
Под осенние звоны малиновы.
И Микулой зовут Селяниновам.

¹ Ужинки – обжинки, последние сжатые колосья. Обжинки у славян имели религиозное значение связанное с Дидухом.

Святогор и Микула

Святогор богатырь утром выехал в степь,
Посмотреть на границы владения,
Въехал он на курган, как степной атаман:
Посмотреть, нет ли где нападения.

Смотрит – путник идет, сумку с лямкой несет.
Кто таков? Не лихой ли пришелец?
Он пускает коня, чтоб догнать у плетня² —
Видно новый в селе земледелец!

Но пришелец тот крепкий – идёт и идёт,
Сумку с лямкою не оставляет!
Святогор за ним гонится, выступил пот!
Но за путником не поспевает!

«Стой прохожий!» – кричит Святогор богатырь,
И коня плёткой крепко стегает,
Путник ношу привычную ровно несёт
Наконец свою лямку снимает
И стоит неподвижно – дозорного ждёт.
Наконец, Святогор подъезжает.

«Что несёшь ты, прохожий?
Что в сумке твоей?»

Отвечает: «Несу свою тяжесть!
Что досталась нам всем от родимой земли.
Хочешь взять? Подними!»

«Эка важность!» – говорит Святогор.

И слезает с коня.
Попытался поднять. Но с натуги —
Даже потом облился, кровавым при том,
Мышцы вздулись, как крепкие дуги.

Ноги в землю по щиколоть тяжко ушли,
Весь он мощною силой налился!
Только сумку не смог оторвать от земли.
Груз ему так и не покорился.

«Как же звать-то тебя, незнакомец лихой?
Как с тобою помериться силой?»

² Плетёный забор, которым огораживали огороды и дворовые постройки.

«Оторви, хоть на волос, суму от земли —
Будем братьями мы до могилы».

«Хочешь знать, богатырь,
Как зовут меня все?
Как меня мужики величают?
Ну так слушай тогда: я вот поле вспашу,
Рожь посею, а в осень – собираю.

Ну, а после жнивья, пива я наварю
И как только в нём хмель отыграет,
Позову мужиков! А потом угощу!
Мужички мои и загуляют!

И начнут тогда все меня звать-величать!
И Микулой меня называют!
А ещё – Селяниновым! Я землероб!
Потому так вот и величают.

А ведь был Святогор – богатырь удалой,
Илью Муромца – прятал в кармане!
Но вот сумку Микулы так и не поднял.
И не смог протащить на аркане.

Конь не смог одолеть.
(Тут не в помощь и плеть!).
А крестьяне те тяготы носят.
И по жизни своей непременно несут.
Да и помощь при этом не просят.
Так вот, с ними рождаются, с ними живут.
А ещё и гуляют! И песни поют!

Добрыня и Змей

Породила мать Добрыню,
Вырастила молодцом
Стал Добрынюшка Никитич
Богатырским удалцом.

Стал Добрынюшка Никитич
В чисто поле выезжать,
Стал он злобных и коварных
Змей-змеёнышей топтать.

Раз Добрыня возвратился,
В дом свой каменный пришёл
И как верный сын послушный
К родной матушке зашёл.

Говорила мать родная:
«Ой, любимое дитя!
Ой, молоденький Добрыня,
Не живи ты, так, – шутя!

Ты б не ездил в чисто поле,
К Сорочинским тем горам,
Не топтал бы лютых змеев,
Не ходил бы к их норам.

И не лазь ты в эти норы!
Пленных не освобождай!
И к Пучай-реке не ездь.
Велика река Пучай.³

И свирепая, и быстра,
И коня там не купай,
Да и сам там не купайся,
Сгинешь ты в реке-Пучай.

В той реке текут две струйки.
Быстро первая течет.
И вторая тоже быстра,
Но ещё огнем сечёт.

Но молоденький Добрыня
Не послушал свою мать,
Он пошёл в свои палаты.

³ Пучай – Почайна (Днепр)

Снаряжаться, так сказать!

А потом пошёл в конюшню,
Выбрать для себя коня,
И одел свои доспехи,
Взял и палицу из пня,
Из дубового, с шипами
Из металла.

На коня
Одел сбрую дорогую,
Лук и стрелы, взял и меч,
Чтоб при случае отсечь
Голову врага лихого,
Из раздолья из степного,
Коль наедет невзначай,
Там, вблизи реки Пучай.

Не потешиться же грех!
Когда веришь в свой успех!

И поехал в чисто поле.
День до вечера скакал.
Захотелось на раздолье
Испытать змеиных скал!

К тем горам змеиным съездить,
Сорочинцев навестить.
Ну так – так тому и быть!

Он коня направил к югу.
Да! Поездочка – не к другу!
Дождь и ветер! День за днём...

Не везде тебе приём
Ласковый и с угощеньем,
В тех, далёких посещениях,
Стычки мелкие не в счёт,
Солнце жаркое печёт.

Глядь, неделя уж проходит,
Днём по солнцу путь проводит,
Ночью месяц свет точит,
Острый меч да крепкий щит...
Так добрался к сорочинцам...
Тут война – как закипит!

И пошёл он полем ездить!
Ездил вдоль и поперёк,

День до вечера сражался,
И уже был виден прок.

И побил врагов бессчётно,
Потоптав змеёву рать,
Но заметил вдруг Добрыня —
Конь стал сильно припадать.

Стал его конь богатырский,
На ноги свои хромать.
И Добрынюшка подумал:
«Видно хватит их бодать!»

И оставил горевать
То змеиное отродье...
И с тех пор пошла в народе
О Добрынюшке молва —
Честь и добрая хвала!

Он закончил свою битву,
Повернул коня назад
И поехал в Киев-град.

День и ночь обратно ехал,
Через бури и дожди,
И неделя пролетела...
(Тут не скажешь: «Подожди»!).

Днём по солнцу управлялся,
Ночью месяц свет давал,
(Когда на небе бывал).

А когда и так – по звёздам.
Это молодцу – почёт!
Долго ль, коротко ль... Но вскоре,
Перед ним – Пучай течёт.

Путь к реке ведёт Добрыню.
Сходит с верного коня
И решил он искупаться.
Жарко! Середина дня!

Сбросил он с себя одежду
И разделся до нага,
И пошел купаться в реку.
Правда, не успел с разбегу
Окунуться с головой,
Как поднялся бабий вой.

Принесло девчат с деревни
Полоскать своё бельё.
(Чисто сельское житьё!)

Смотрят – голый у реки,
Загорелись огоньки...
И потеха закипела.
Те девчата смотрят смело
И хохочут, только дай:

«Ой-ё-ё! Да, ай-яй-яй!»

«В нашей славненькой Пучай...»

«Добры молодцы нагие
Не купаются вот так!»

«Да откуда ж ты, мастак?»⁴

«В белом тоненьком бельё
Плавать молодцы должны!»

«А вот так вот – не должны!»

Отвечает им Добрыня:
«Вы, голубушки мои,
Беломойки, портомойки,⁵
Делайте дела свои.

Отошли б себе в сторонку
И работали б тихонько.
Ваше дело – полоскать.
Нечего тут гоготать!»

Так сказал им и пошёл,
Струйку первую прошёл,
А за ней прошёл вторую,
В речку бурную зашёл
А потом, нырять пошёл.

Вдруг в округе зашумело,
Гром ударил! Загудело!
Свет небесный потемнел —
Змей Горыныч налетел.

А о том, как это было,

⁴ Мастер, специалист – шутивно-насмешливое обращение к мужчине.

⁵ Прачки, стирающие белое бельё и верхнюю одежду (порты – брюки)

Рассказала нам молва.
Стал Горыныч насмеяться,
Говорить свои слова:

«Что Добрыня? Доигрался?
Ну теперь-то, – чуешь страх?
И конечно догадался —
Ты теперь в моих руках!

Сделаю, что захочу:
В плен позорный захвачу!
Посажу тебя в тюрьму
Дань, как водится, возьму.

Гонор дерзкий твой сломаю!
Не пытайся! Я всё знаю!
Ты здесь впрямь – в моих руках!
Чуешь, молодец, свой страх?»

И дыхнул в Добрыню жаром —
Окатило, как пожаром!
И Добрыня вспомнил мать:
«Не води коня купать
Да и сам ты не купайся
(Страх один!) В Пучай-реке!
Когда будешь вдалеке».

И Добрыня в миг нырнул,
В миг Пучайну пронырнул,
Убегая от огня,
Бросив сбрую и коня.

Вынырнул на правый берег,
Чтобы не попасть впросак,
Смотрит, на песке чернеет
Земли греческой колпак.

То есть шлем. Берёт Добрыня,
Этот греческий колпак,
И с размаху лупит Змея
Прямо в лоб. Да ловко так:
Подлетает лютый Змей —
В лоб удар!

«Ой-ёй! Не бей!»

«Ты не бей меня, Добрыня!
Мы давай заключим мир:
Не сходиться, не браниться!

Ты почти что мой кумир
В богатырском нашем деле,
Да и воин ты умелый.
Так давай с тобой дружить,
В мире и в покое жить!
Крови попусту не лить!»

Отпустил Добрыня – Змея,
Сели рядом не робея,
И уклали договор,
И закончили свой спор.

Богатырь домой уехал.
Змей Горыныч улетел,
Но не в горы к сарацинам,⁶
В город Киев полетел.

Налетел, нахулиганил,
И погромом угрожал,
И племянницу Забаву
В плен, в наложницы, забрал.

А Добрыня приезжает,
Кормит доброго коня,
Мать конечно обнимает,
Ничего не говоря.

А потом доспехи прочь,
Наряжается – точь в точь,
Как Чурило⁷ на гулянье,
И к Владимиру на пир,
Навестить столичный мир.

День пирует, два пирует,
А на третий, стольный князь,
Обращается к застолью —
Есть ли тот, кто не боясь,
Съездит в горы к сарацинам —
Силу грозную попать
И Путятичну Забаву
У Змеёнышей забрать.

Не находится в застолье
Вот таких богатырей,
Кто бы съездил в чисто поле,
В логово далёких змей.

⁶ Сарацины – арабы.

⁷ Киевский модник тех времён.

Князь Владимир чинно ходит
Средь пирующих гостей,
Сетует и об уплате,
Кой-кому из королей.

Подошел к Михайлу-силе,
Потьку – богатырю,
Чтобы съездил тот Михайло
К Политовскому царю,
Чубадею, да отвез бы
Весь большой и давний долг.
Был бы в том великий толк.

И Михайло поклонился,
Молча встал и удалился,
И отправился в Литву.
Под осеннюю листву.

К Илье Муромцу подходит,
Чтобы он – седой казак,
Съездил в Швецию немедля
Да отвез бы им «ясок»,⁸
(Тоже долг, девятилетний).
Знак почёта многолетний,
Чтобы шведский тот король
Знал и помнил свою роль.

Очутился незаметно у Алешина стола.
И Попович очень тихо
Князь-Владимиру сказал:

«Князь-надёжа, свет-Владимир,
Ты Добрынюшку пошли
Съездить в горы к сарацинам.
Он бывал уж в той дали».

Князь к Добрынюшке подходит,
Говорит ему слова:
«Ты, Микитинец, Добрыня,
Удалая голова,
Съезди, молодец, далече,
К сорочинским тем горам,
Потопчи там, в назиданье,
Тех змеёньшей, что там.

Отыщи мою Забаву,

⁸ Дань пушнинной с народов Севера. Здесь употреблено это слово просто – как дань.

Привези её сюда.
Без неё мне здесь беда!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.